

О. С. ЗАРЕМБО

ПАРАДИГМАТИКА СКЛОНЕНИЯ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИКАХ XVI–XVII вв.: ПРЕДЕЛЫ КАЛЬКИРОВАНИЯ АНТИЧНЫХ ОБРАЗЦОВ

На материале греческо-церковнославянской грамматики «Адельфотис» (Львов, 1591) и церковнославянских грамматик Зизания (Вильно, 1596) и Смотрицкого (Евье, 1619) рассматриваются представления восточнославянских грамматистов XVI–XVII вв. о падежной системе, приводятся источники этих воззрений в античной грамматической традиции. На примере парадигм словоизменения имени показываются принципы и характерные черты метода восточнославянской грамматической традиции.

Based on the material of Greek and Church Slavonic grammar «Adelphotes» (Lvov, 1591) and Church Slavonic grammars of Zizaniy (Vilna, 1596) and Smotrickij (Evje, 1619) conceptions about case system of XVI–XVII c. Eastern Slavonic grammaticists are considered in this article. The sources of these conceptions in ancient grammar tradition are cited. The patterns of noun declination are used to demonstrate the principles and typical traits of the Eastern Slavonic grammar tradition methodology.

1. Истоки теории падежей в европейской грамматической традиции.

1.1. Значение термина pt^{si} - у Аристотеля. Слово pt^{si} - 'падеж' (от $pjptw$ 'падать, отпадать') в значении грамматического термина впервые встречается в «Поэтике» Аристотеля (XX, 1457a), который определяет его следующим образом: «Падеж имени или глагола – это обозначение отношений по вопросам “кого”, “кому” и т. п., или обозначение единства или множества, например *люди* или *человек*, или отношений выразительности, например вопрос, приказание: *пришел ли, иди*» (цит. по: Античные теории 1996, 68). Из данной дефиниции видно, что pt^{si} - у Аристотеля означает любое отклонение ('отпадение') слова от исходной формы и относится не только к имени, но и к глаголу. Эту мысль Аристотель развивает в трактате «Об истолковании» (II, 16): $t4 d2 Fj1wno\dot{O} Fj1wni kaJ @sa toia\$ta o8k \Upsilon n3mata, \#11+ pt9sei- \Upsilon n3mato-$ 'Филона или Филону и тому подобные формы есть не имена, а падежи имени'. Таким образом, падежами имени Аристотель называет только непрямые падежи. Для обозначения номинатива имени, употребляемого вне суждения в функции называния, он использует термины $\$noma$ 'имя' и $kl | si-$ 'название'. Падежная терминология во времена Аристотеля еще не оформилась: вместо названий падежей философ использует в качестве примеров падежные формы слова (*Филона, Филону, кого-то, кому-то* и т. п.), причем в разных трактатах в различном порядке. Кроме обозначенного значения ('непрямой падеж имени'), термин pt^{si} - используется Аристотелем также в более широком смысле как любое отклонение (грамматическое и лексико-семантическое) от начального слова: число имени (Поэтика, XX, 8; Аналитика I, 16; Топика, V, 4); наклонение глагола (Поэтика, XX, 21–23); время глагола (Об истолковании, III, 16); степени сравнения прилагательных (Топика, V, 7); производные наречия, которые не выделялись в отдельную часть речи (Топика, I, 15; III, 3; VI, 10), и другие производные слова (Об истолковании, I, 12–15; Риторика, I, 32). О значении термина «падеж» у Аристотеля см. также: Перельмутер 1980, 174.

1.2. Падежная система имени в учении стоиков. Стоики внесли весомый вклад в развитие представлений о падежной системе имени и формирование падежной терминологии. Они сузили понятие pt^{si} - 'падеж' и отнесли его только к изменению имени и артикля. В отличие от Аристотеля, который термином pt^{si} - обозначал всякое изменение имени и глагола, стоики видят главное различие между именем и глаголом в том, что имя изменяется по падежам, тогда как глагол является $stoice_on\ I3gou\ \dot{A}ptwton$ 'беспадежным элементом речи' (Диоген Вавилонский, фрагмент 22; цит. по: Диоген Лаэртский, VII, 58). Стоики не только установили количество падежей для греческого языка, но и создали для них названия (подробнее см.: Кобів 1959). Создателем падежной термино-

логии считается Хрисипп Солонский (III в. до н. э.), автор трактата «О пяти падежах». К сожалению, этот трактат о падежах, как и другие произведения стоиков, не сохранился, поэтому наши представления о стоической падежной теории фрагментарны. Диоген Лаэртский сообщает (VII, 65–67), что стоики различали следующие падежи: $\Upsilon\rho\kappa$ / или $\Upsilon\nu\mu\alpha\sigma\tau\iota\kappa$ / (прямой или именительный), $g\epsilon\nu\iota\kappa$ / (родительный), $\delta\omicron\tau\iota\kappa$ / (дательный), $\alpha\chi\iota\alpha\tau\iota\kappa$ / (винительный), $\kappa\lambda\eta\tau\iota\kappa$ / или $\rho\omicron\sigma\alpha g\omicron\rho\epsilon\upsilon\tau\iota\kappa$ / (звательный, «приветственный»). Греческие термины абсолютно прозрачны по своему морфемному составу: в основе этой терминологии лежит представление об основной семантико-синтаксической функции падежной формы слова в высказывании. Хотя звательный падеж имени в греческом языке чаще представляет собой отдельную, отличную от номинатива словоформу, однако синтаксические соображения вынуждали стоиков выделять обращение особо, поэтому звательный падеж не признавался ими падежом в полном смысле слова. Стоики также впервые включили номинатив в состав падежей: «...и как о пущенном сверху и вертикально вонзившемся в землю грифеле говорят, что он упал и имел прямое падение, таким же образом, считаем мы, прямой (падеж) упал с представления и является прямым» (цит. по: Античные теории 1996, 76). Стоики делили падежи на «прямые» ($\epsilon\delta\eta\epsilon\ \alpha\iota$, $\Upsilon\rho\kappa\alpha\iota$) (номинатив и вокатив) и «непрямые» ($\rho\iota=\gamma\iota\alpha\iota$) (генитив, датив, аккузатив), в определенной мере сохраняя свойственное всей античной грамматике представление о том, что падежами, по сути, являются только косвенные падежи. Другой причиной возникновения этого противопоставления видится то, что благодаря своей номинативной функции И. п. во флективно-синтетических языках является более независимым и автономным, чем остальные.

1.3. Падежная система в «александрийской» грамматике. Стоическая падежная терминология легла в основу грамматической системы Дионисия Фракийского (II в. до н. э.), который в своей грамматике выделяет следующие пять падежей: $\Upsilon\rho\kappa$ / ($\Upsilon\nu\mu\alpha\sigma\tau\iota\kappa$ /, $\epsilon\delta\eta\epsilon\ \alpha$), $g\epsilon\nu\iota\kappa$ / ($\kappa\theta\eta\tau\iota\kappa$ / 'притяжательный', $\rho\alpha\tau\iota\kappa$ / 'отеческий'), $\delta\omicron\tau\iota\kappa$ / ($\beta\iota\sigma\tau\alpha\lambda\tau\iota\kappa$ / 'посылательный'), $\alpha\chi\iota\alpha\tau\iota\kappa$ /, $\kappa\lambda\eta\tau\iota\kappa$ / ($\rho\omicron\sigma\alpha g\omicron\rho\epsilon\upsilon\tau\iota\kappa$ /). Обилие вариантов свидетельствует об еще не сложившейся окончательно падежной номенклатуре, в то же время названные на первом месте термины являются приоритетными и в дальнейшем в тексте грамматики используются только они. Разделения падежей на прямой и косвенные нет. После Дионисия Фракийского вопросами грамматики занимались другие исследователи, труды которых до нас не дошли. О дальнейшем развитии грамматической мысли мы можем судить только на основе сохранившихся произведений Аполлония Дискола (II в. н. э.). Аполлоний Дискол, в отличие от Дионисия, делит падежи на прямой и косвенные. Названия падежей такие же и представлены в такой же последовательности, как у Дионисия. Аполлоний Дискол в своей грамматике предлагает обоснование последовательности падежей (подробнее см.: Оленич 1980, 226).

2. Падежная система в представлении восточнославянских грамматик XVI–XVII вв.

2.1. Состав падежей в ранних восточнославянских грамматиках: степень зависимости от античного канона. Восточнославянские грамматические описания традиционно ориентировались в основном на греческие источники. Термин *падежъ* впервые встречается в греческо-церковнославянской грамматике «Адельфотис» (Львов, 1591). Он сменил употреблявшееся до этого в рукописных грамматических статьях слово *падение* и сохранился в неизменном виде до настоящего времени. Оба термина представляют собой семантическую кальку греческого $pt^{\wedge}si-$. Состав падежей в грамматиках, имевших распространение в ареале Slavia Orthodoxa в XVI–XVII вв., представлен в таблице (термины приводятся в порядке упоминания в тексте грамматик).

Состав падежей в основных восточнославянских грамматиках XVI–XVII вв.

«Осьмь честию слова» (XIV в.)	«Донат» Д. Герасимова (1522)	«Адельфотис» (Львов, 1591)		Зизаний (Вильно, 1596)	Смотрицкий (Евье, 1619)
права	правѣ	$\Upsilon\nu\mu\alpha\sigma\tau\iota\kappa$ /	именовный	именовный	именительный
родна	роднѣ	$\rho\epsilon\nu\iota\kappa$ /	родный	родный	родительный
виновна	виновнѣ	$\delta\omicron\tau\iota\kappa$ /	дательный	дательный	дательный
дательна	дательнѣ	$\alpha\chi\iota\alpha\tau\iota\kappa$ /	виновный	творительный	винительный
звательна	звательнѣ	$\kappa\lambda\eta\tau\iota\kappa$ /	звательный	виновный	звательный
–	отрицательнѣ	–	–	звательный	творительный
–	–	–	–	–	сказательный

При создании собственных терминов славянские грамматисты ориентировались на греческие (реже – латинские) прототипы и стремились сохранить внутреннюю форму калькируемого термина. Также следует отметить стремление к преемственности при формировании церк.-слав. грамматической терминологии (при создании собственных грамматик славянские грамматисты XVI–XVII вв., безусловно, учитывали достижения предшествующих рукописных статей грамматического содержания). В статье «Осьмь честию слова» в соответствии с греческой и византийской традицией выделялось пять падежей: *права*, *родна*, *виновна*, *дательна*, *звательна* (Ягич 1885–1895, 329).

Д. Герасимов, ориентируясь на падежную систему латинского языка, вводит шестой падеж – отрицательный падеж (Там же, 828). Так он переводит латинский термин *ablativus*. «Аблатив – собственный падеж римлян, хотя и его они, по-видимому, заимствовали у древнейших греческих грамматиков, которые называли «шестым падежом» формы, как $\alpha\beta\rho\alpha\nu\zeta\theta\epsilon\nu$ ‘с неба’» (Присциан, V, 75; цит. по: Античные теории 1996, 131). Приняв за основу отложительное значение аблатива, Д. Герасимов приводит в качестве примера предложную отложительную конструкцию $\bar{\omega}$ *sego* *učitelja*, которая представляет собой обычный способ выражения действующего лица в страдательной конструкции, синтаксическую кальку латинского *ablativus auctoris*. Дело в том, что «отложительный падеж в славянских и греческом языках слился с родительным. В итальянских он слился с творительным падежом, указывающим на предмет или лицо, с помощью которого совершается действие» (Тронский 1953, 103). Таким образом, новый падеж в «Донате» Д. Герасимова совпал с Р. п., и словоформы Т. п. им не приводятся. Грамматика «Адельфотис» пошла в выделении количества падежей вслед за греческим источником – грамматикой К. Ласкариса (Милан, 1476): в ней выделяется пять падежей (именный, родный, давалный, виновный и звателный) (л. 136). В соответствии с греческой традицией, идущей от стоиков, в «Адельфотисе» падежи разделяются на прямые (греч. $\Upsilon\tau\alpha\iota$, $\epsilon\delta\eta\epsilon\ \alpha\iota$, церк.-слав. *просты, правы*) и косвенные (греч. $\rho\lambda=\gamma\iota\alpha\iota$, церк.-слав. *штмѣнныѧ*). В греческом языке нет особых падежей, соответствующих церк.-слав. Т. п. и М. п. (позже П. п.), и эти падежи не нашли отражения в «Адельфотисе». Впервые в славянском языкознании Т. п. выделяется в грамматике Зизания при изложении грамматических категорий «различия» (‘артикля’) и имени: в отличие от Д. Герасимова в латинском аблативе Зизаний принял во внимание не отложительное, а инструментальное значение, которое в церк.-слав. языке имело особую форму выражения, и решил отразить существующую семантическую дифференциацию церк.-слав. форм, до этого традиционно объединяемых в Д. п., добавив новый падеж (творительный). Несмотря на это, он не решился выделить в особый падеж формы, соответствующие М. п.: у Зизания Д. п. ед. ч. *бгѣ* и *взѣ*, *члкъ* и *члцѣ*, *снѣгѣ* и *снѣзѣ*; Д. п. мн. ч. *бгѣм* и *взѣхъ*, *члкъмъ* и *члцѣхъ*, *снѣгѣм* и *снѣзѣхъ*). Смолитрицкий достраивает категориально-терминологическую славянскую падежную систему, введя понятие и термин *сказательный* ‘местный, предложный’ падеж. «Установление в падежной системе тех самых падежей, что свойственны славянским языкам, свидетельствует о том, что Смолитрицкий не только правильно чувствовал особенности языка, но и умел их теоретически осмыслить и сформулировать» (Кузнецов 1958, 29). Термин «предложный» падеж впервые встречается в «Российской грамматике» (1755) М. Ломоносова. Определение падежа впервые в восточнославянской грамматической традиции сформулировано в грамматике Смолитрицкого: *Падежь есть сконченїѧ в склоненїихъ измѣна* (л. 31 об.). Он понимает падеж в узкоформальном смысле. Также именно у Смолитрицкого в первый раз употребляется дошедший до наших дней термин *косвени* ‘косвенные’ падежи, которые противопоставлены прямым (*прави*). Смолитрицким впервые приводятся определения каждого падежа. Эти дефиниции опираются на внутреннюю форму термина, тавтологичны и не всегда достаточны для характеристики граммы: *Именителный есть / им же именѣемъ: такъ члкъ. Родителный есть / им же чїе что быти ѿвѣщаеваемъ: такъ члвка. Дателный есть / им же даем: такъ члкъ. Винителный есть / им кого повинна творимъ: такъ члвка. Звателный есть / им же зовем: такъ члче. Творителный есть / им же творимъ: такъ члкъмъ. Сказательный есть / им же сказѣемъ: такъ ѡ члцѣ* (л. 32).

2.2. Примеры падежных словоформ в восточнославянских грамматиках XVI–XVII вв. Гораздо большее значение, чем развернутые определения, на начальном этапе построения грамматической теории имеют так называемые экзemplярные определения, т. е. определения лингвистического явления путем приведения в качестве примера фактов языка-объекта, обозначаемых данным термином. При построении церк.-слав. парадигм склонения первым славянским грамматистам было необходимо определенным образом систематизировать текстовые данные языка-объекта. «Однако в материальном аспекте описания парадигм есть свои сложности: надо увидеть в разных формах выражения одного значения, а с другой стороны, увидеть различие в формах, выражающих близкое или сходное содержание» (Мечковская 1984, 73). Другими словами, перед первыми грамматистами стояла задача обнаружить в различных формах семантико-грамматическое единство, что им не всегда удавалось. Так, например, в статье «Осьмь честиѧ слова» в качестве примера Р. п. ед. ч. существительных приводятся притяжательные прилагательные: *чловѣковъ*, *женина*, *естьствовъ* (Ягич 1885–1895, 330). Дополнительные трудности были связаны с большой вариантносью словоизменительных форм в церк.-слав. текстах. Эта вариантность нашла отражение в ранних грамматических описаниях церк.-слав. языка. Например: 1) Р. п. мн. ч. *орловъ*, *менелавъ*, *но престѡлъ*, *развѣйникъ* (Ад.), *бгѡвъ* и *бгѣ*, *снѣгѡвъ* и *снѣгъ* (Зиз.), *дрѣвѡвъ* и *дрѣгъ*, *грѣхѡвъ* и *грѣхъ*; *пастырей* и *пастырь*, *матей* и *матейъ* (См.); 2) Р. п. ед. ч.: *брата*, *сна*, *но домъ* (См.); 3) Д. п. ед. ч.: *орлѣ*, *престолѣ*, *дню*,

димостенѹ, но димостенови (Ад.), коню и конєви (Зиз.), сынѹ и снови, жерцѹ и жерцеви (См.); 4) И. п. мн. ч.: књи и кнѣ, снѣги и снѣзи (Зиз.), сны и снове, жерци и жерцеве (См.); 5) Т. п. мн. ч.: члки и члками, снеги и снегами, нвсы и нвами (Зиз.), сердцами и сердца, дрѹгами и дрѹги, воннами и вонны (См.) и др. Некоторые из этих вариантов (так же как отдельные случаи отклонения от классических церк.-слав. форм), вероятно, можно объяснить интерференцией церк.-слав. языка и «простой мовы», однако чаще всего такая вариантность была связана с отражением объективно существующих изменений в церк.-слав. языке XVI–XVII вв. В отдельных случаях авторы славянских грамматик сознательно обращаются к народному языку. Так, составители «Адельфотиса» иногда использовали синонимичные церк.-слав. и народную формы в парадигме склонения для иллюстрации особенностей греческого языка, например слитной и неслитной форм Д. п. ед. ч.: *dhmosq1nei* – димостенѹ и *dhmosq1neü* – димостенови (л. 30б). Дублетность словоформ особенно характерна для новых категорий, что можно объяснить активными поисками нормативного варианта формы. Так, введение Смотрицким в грамматику нового (сказательного) падежа было связано с необходимостью представить его особыми грамматическими формами, этим можно объяснить наличие вариантов: *w kl'vretexъ* и *kl'vret'fъxъ*, *w vонnexъ* и *vонн'fъxъ*, *дрѹзexъ* и *дрѹз'fъxъ* и пр.

Следует также отметить встречающиеся в ранних славянских грамматиках случаи смешения флексий различных граммем. Славянские грамматисты XVI–XVII вв. приводят формы двойственного числа (дв. ч.) для изменяемых по числам частей речи. Однако, поскольку в церк.-слав. языке этого времени дв. ч. использовалось непоследовательно, в славянских грамматиках не редки случаи смешения форм дв. и мн. ч.: у Зизания И. п. дв. ч. *рѹка*, И. п. мн. ч. *рѹц'ѣ* (на самом деле это дв. ч.) и пр.

Еще одной особенностью представления падежных флексий в ранних грамматиках является конструирование не существующих, но вероятных, исходя из логики грамматической системы, форм. В грамматике Смотрицкого проводится различие Д. и Т. п. дв. ч. имен существительных: Д. п. *вратома*, Т. п. *вратама*, Д. п. *домома*, Т. п. *домама*, Д. п. *снома*, Т. п. *снама* и т. д.

Характерной чертой описания словоизменения в ранних грамматиках является последовательное отражение вариативности церк.-слав. склонения вплоть до учета особенностей изменения отдельного слова.

Выводы: 1. Первые восточнославянские грамматисты стремились следовать канону грамматического описания, идущему от александрийских грамматиков. Количество и состав внутривидовых категорий (в том числе падежных граммем) является менее канонической (по сравнению со схемой частей речи) частью грамматики. 2. Заполнение традиционных рубрик своим языковым содержанием требовало самостоятельного индуктивного анализа фактов церк.-слав. языка. Это способствовало выявлению репертуара церк.-слав. падежных флексий и его систематизации. 3. Детализированный характер описания словоизменения способствовал выявлению специфических особенностей церк.-слав. языка и их осмыслению, что содействовало дальнейшему развитию теории падежей в славянских грамматиках. 4. Созданная первыми восточнославянскими грамматистами падежная терминология с небольшими изменениями дошла до настоящего времени и используется в грамматических описаниях русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Адельфотис. Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка (Львов, 1591) // *Specimina philologiae Slavicae*. 1973. Bd. 2. S. 1–217.
- Античные теории языка и стиля: (Антология текстов): [Сб.]. СПб., 1996.
- Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1976–1983.
- Диоген Лаэртский. *De clarorum philosophorum vitis, dogmatibus et apophthematibus libri decem ex Italicis codicibus nunc primum excussis recensuit*. Parisiis, 1850.
- Дионисий Фракийский. *Ars grammatica* / In aedibus B.G. Teubneri. Lipsiae, 1787.
- Зизаній Лаврентій. Граматика словенська. Вильно, 1596. [Підг. факсимільного видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука. Київ, 1980].
- Кобів Й. У. Відмінкова термінологія стоїків // Питання класичної філології. 1959. № 1. С. 30–39.
- Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.
- Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984.
- Оленич Р. М. Александрийская грамматическая школа // История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980. С. 214–233.
- Перельмутер И. А. Аристотель // История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980. С. 156–180.
- Смотрицкий Мелетій. Грамматика славенская правильное синтагма. Евъе, 1619. [Підг. факсимільного видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука. Київ, 1979].
- Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953.
- Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885–1895.

Поступила в редакцию 29.06.12.

Ольга Сергеевна Зарембо – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии.